Кукушка

Автор:
Юлия Резник

Кукушка

Юлия Резник

Собираясь на очередное задание, я и подумать не мог, что встречу женщину, которая влезет в мою чёрную душу, выпустит всех моих демонов, а после просто уйдет, оставив мне… свою дочь.

Содержит нецензурную брань!

Юлия Резник

Кукушка

Глава 1

Погода была ни к черту. Даже для этих краев. Радио в машине шипело и кашляло, но я все равно его не выключал, надеясь услышать прогноз синоптиков, как если бы он что-то мог изменить. Плетясь с черепашьей скоростью по горному, залитому дождем серпантину, я на полном серьезе прикидывал в уме, не смоет ли эту дорогу к дьяволу. Дворники, не справляющиеся с потоком воды, нервно сновали по залитому водой стеклу. Но лучше не становилось – видимость была никудышной. А дорога – опасной, даже в погожий день. Единственным плюсом во всем случившемся дерьме было то, что я знал эти места, как самого себя. Моя малая родина, чтоб ее.

По своей воле я бы сюда не вернулся. Но ведь приказ. А приказы не обсуждаются. Факт всем известный. Собственно, моя принадлежность этой земле и стала решающим фактором. Хотя никогда раньше я не работал под прикрытием. Слишком ценный кадр, да и не мое это… В сложившейся же ситуации выбирать абсолютно не приходилось. Операция разрабатывалась не один год. Я положил на нее столько времени и сил, что сам бы себя не простил, если бы мы, в конечном итоге, ее пр*срали. За это время я потерял двух ребят, и только ради их светлой памяти был обязан довести до конца это дело. Любой ценой.

На повороте занесло. Я выкрутил руль и ударил по тормозам, зависая передним колесом над пропастью. Да твою же мать! Осторожно вышел из машины прямо в объятья совсем не по-летнему холодного дождя. Поежился, накинув тонкую кожаную куртку на голову, и обошел машину. Не критично. Можно сдавать назад, но я не торопился. Потому что так же неожиданно, как и начался, дождь затих. А мне нужно было подумать. Озябшими руками выбил сигарету из пачки и подкурил. Знаю, надо завязывать. Жадно затянувшись, сосредоточил взгляд на небольшой долине, расположенной чуть в стороне от городка, который я оставил позади около получаса назад. Прошло столько лет, а я все равно здесь все ненавидел. И все, чего я хотел – так это убраться отсюда подальше. Не оглядываясь, запрещая себе вспоминать.

В пару затяжек докурил и щелчком отбросил прочь сигарету. И хотя она умерла еще в воздухе, я по привычке наступил на окурок каблуком. Здесь часто случались пожары. Вот и чуть в стороне уродливыми черными скелетами возвышались уничтоженные огнем деревья. Ребенком такие места пугали почище всяких страшилок. Дерьмо.

Хмыкнув, вернулся в машину и медленно тронулся. Радио включилось, бодрый голос диктора наконец-то пробился сквозь рокот помех:

«… местами температура снизится до плюс десяти градусов. Ожидаются сильные дожди, ливни в сочетании с грозой, градом, шквалистым усилением ветра до двадцати пяти метров в секунду. Также синоптики предупреждают о существенном подъеме уровня воды на малых реках и водотоках, вплоть до достижения неблагоприятных отметок…»

Все лучше и лучше!

Нажав на педаль газа, я не спеша двинулся дальше. Мне нужно было кое-кого отыскать, до того, как прогноз оправдается, иначе мы могли лишиться довольно ценного свидетеля. Свидетеля, ради которого я и вернулся в эти края. Странная женщина, спутавшая нам все карты. Беглая жена генерала, под которого мы копаем. И которая, по нашим данным, располагала сведениями, способными его упечь за решетку до скончания века.

Где же ты, где?

Не отрывая взгляда от дороги, я нашарил портмоне, в котором хранил фотографию разыскиваемой. Нет, мне не требовалось освежить в памяти ее образ – такую раз увидишь, и будешь помнить до конца дней. Просто… меня завораживало это фото. Самое обычное, черно-белое, из материалов дела. До сих пор я не могу понять, почему оно не цветное. Уж не для усиления ли драматического эффекта? Если так, то я даже не догадывался, какие романтичные натуры батрачат в офисе нашей отнюдь не романтичной конторы. Улыбнулся криво, хотя мне совсем не было весело.

Скосил взгляд. Конечно же, Марту засняли тайком. Она не смотрела в кадр, но от того он был не менее впечатляющим. Сидя на присядках, она кормила голубей. Белые льняные локоны ее шикарных волос практически касались земли. Черная водолазка под горло и джинсы размера оверсайз скрывали фигуру, но я-то видел ее вживую, так что знал – она идеальная. Я отвел взгляд и выругался, заметив впереди ссутулившуюся фигуру. Адреналин бахнул в голову. Я сбросил скорость и, поравнявшись с ней, опустил стеклоподъёмник.

– Вас подкинуть? – предложил, перекрикивая вновь усилившийся дождь.

Женщина медленно обернулась. Хотя, ну, какая женщина, господи, ей двадцать два всего! Я не удивился, увидев довольно большой выпирающий живот. Разведка докладывала, что, маскируясь, Марта прикидывалась беременной, так что к этому я был готов.

– Подкинуть? – переспросила она, осматриваясь тайком, что, впрочем, от меня не укрылось.

– Да! Только что по радио сообщили о надвигающейся буре. Дорогу может смыть в любой момент. Селевые потоки в этих краях не редкость!

– Вы местный, выходит?

Киваю головой, проклиная абсолютно неуместное в данной ситуации любопытство. Нас сейчас смоет к чертям, а она разговоры разговаривает. Глупая баба!

– Ну, так как? Вы со мной?

Теряя терпение, я постукивал по рулю большими пальцами, в попытке понять, что буду делать, если она откажется. Почему-то такой вариант мы не рассматривали.

– Ладно…

Марта нерешительно обошла машину и неловко забралась в мой внедорожник, бросив сумку под ноги. Я хмыкнул, отметив про себя, что с ролью беременной женщины она справляется просто блестяще.

– Вам куда?

– До ближайшего города.

– По такой дороге это займет целую вечность, – я мазнул взглядом по своей подрагивающей от холода спутнице и включил обогрев сидения, – вам лучше снять куртку. Она полностью промокла, и толку от нее сейчас нет. Только хуже.

Марта пожала плечами, медленно подняла тонкие руки к лицу и нерешительно сняла капюшон. С моих губ слетело проклятье, она бросила на меня удивленный взгляд.

– Не бери в голову. Чуть белку не задавил.

Молодая женщина понятливо кивнула. Расстегнула безразмерную парку и стащила ее с себя. Пока она возилась, я смог за ней беспрепятственно наблюдать. Естественно, никаких белок на дороге не было и в помине. Я выругался совершенно по иной причине. Меня поразила прическа Марты. От её

прекрасных волос ничего не осталось. Вместо шикарных снежно-белых локонов на её голове теперь красовались сосульки какого-то невзрачного мышиного цвета. И не похоже было, что это парик.

Я снова сосредоточился на дороге, а Марта, прилежно пристегнув ремень, сложила ладони на коленях и впялила взгляд в окно. Ее поза была неестественно напряженной. Но, казалось, это не доставляет ей неудобств.

– Меня зовут Макс. Будем на «ты»?

Оторвав взгляд от дороги, Марта с удивлением на меня покосилась. Словно уже успела обо мне забыть. Ну, надо же.

– Эээ… Да, конечно. Я – Ира.

Более простого имени она не могла придумать. То ли дело Марта… Собирая доказательства против ее мужа, я не раз думал о том, что родилось вначале? Имя? Или она? Потому что вряд ли бы ее покойные родители могли придумать более подходящее имя. Марта она и есть. Холодная. Сдержанная. Казалось, она замораживала равнодушным взглядом льдистых глаз, глядя на всех свысока. Но это в обществе. Наедине с голубями она улыбалась. Ее взгляд теплел. От ее высокомерия не оставалось следа. Она была переменчивой, как первый месяц весны, в честь которого ее и назвали.

– Что тебя выгнало в такую погоду?

Она пожала плечами:

– Я не посмотрела прогноз, а попутка, на которой я ехала, обломалась в пути.

– Ты рисковая.

Этот мой комментарий Марта оставила без ответа. Впрочем, что она могла мне сказать? Что ее сумасшедший муж выследил ее спустя восемь месяцев, и она вновь была вынуждена бежать? Не думаю, что Марта так разоткровенничалась бы с незнакомцем.

– И чем ты здесь занимаешься?

– В горах?

– Ага. Есть работа?

Пришла моя очередь пожимать плечами. У меня была легенда, проработанная до мелочей. Мне только лишь оставалось ей следовать.

– Здесь?

– Ага. Говорят, в горах людям выживать нелегко. Ни предприятий, ни крупного бизнеса. Лишь туризм…

– В горах тяжелее, чем у подножья, – увожу в сторону свой ответ, – действительно, бывает, зимой заметет по самое не балуйся. И все. Даже в город не выедешь. Вот и существуешь за счет того, чем успел запастись. Да за счет всякой живности.

– Овец?

– И овец, и коров, и птицы. Здесь скотины хватает.

– Тихо у вас. Хорошо.

В противовес словам Марты, грянул оглушительный гром. Сквозь прореху, прожженную молнией, на землю посыпался град.

– Твою мать…

– Наверное, будут вмятины…

Это меня мало заботило. Машина все равно служебная. А вот усиливающийся ветер и дождь действительно могли стать проблемой. Из-за вырубки леса вода больше не поглощалась землей, как это бывало раньше. Она собиралась в потоки, которые тащили за собой камни и обломки горных пород и сметали все

на своем пути.

– Когда мы отсюда выберемся, напомни мне, чтобы я вступил в партию зеленых, – пробормотал я сквозь стиснутые от напряжения зубы. Казалось, что дорога под колесами уплывает.

– Зеленых? Зачем? – сонно моргнула глазами Марта.

– Разве не они борются против вырубки леса?

– А при чем здесь это? – она перевела на меня свой равнодушный взгляд, и я на мгновенье отвлекся от дороги, что чуть было не стоило нам неприятностей.

– Притом, – пояснил я, выравнивая машину, – что решающим фактором возникновения селевого потока служит вырубка леса в горах. Корни деревьев держат верхнюю часть почвы, что предотвращает его возникновение. А еще деревья принимают самое активное участие в круговороте воды в природе. Если вырубку не прекратить, здешние места не ждет ничего хорошего.

– Ты биолог? – глядя на меня в упор, спросила Марта.

– Нет.

– Лесник?

Я покачал головой.

– Егерь? – продолжала гадать она.

– Кузнец.

– Разве эта профессия сохранилась? – поинтересовалась Марта, но ни в ее голосе, ни в ее лице интереса не было абсолютно. Зачем тогда спрашивала? Вопрос.

– Как видишь.

Наш разговор быстро сошел на нет, а вот непогода только усиливалась. Ко всему прочему я стал опасаться, что нас придавит поваленным ветром деревом. И валяющиеся на дороге ветви свидетельствовали о том, что мои страхи совсем не напрасны. От напряжения взмокла спина. Я выключил радио и приоткрыл окно, настороженно прислушиваясь к звукам леса. Уловив легкий гул, я сбавил скорость практически до нуля. Пристальный взгляд, который я не сводил со склона, уловил начало движения.

– Твою мать! – выругался я, резко сдавая назад и бросая поочередно взгляды то в зеркало заднего вида, то вперед, где, отделившись от склона, прямо на дорогу сползала гигантская масса породы. Я понимал, что дальнейшее продвижение вперед – смерти подобно. Не было никаких гарантий, что не возникнет новый обвал, а спускаться в долину при таких условиях – самоубийство. Нужно было возвращаться назад, в горы. Чем выше, тем лучше. Медленно-медленно я стал сдавать задом.

– Что случилось? – в ледяной голос Марты закрались звенящие нотки.

– Впереди оползень, – объяснил я, внимательно следя за дорогой. Развернуть машину возможности не было, и это порядком замедляло наш отход, – и я слышу гул. Похоже, что это сель, нам лучше вернуться в горы.

В месте, где мы стояли еще недавно, с горы хлынул поток. Глаза Марты, взгляд которых я на секунду поймал, чуть расширились, а руки на животе сжались.

– Все будет хорошо, – убежденно сказал я. Она лишь кивнула.

За всю дорогу, пока мы пробирались через куски разбросанных по дороге веток, груды камней и всякого мусора, Марта не издала ни звука. Просто сидела и прямо смотрела перед собой. Честно признаться, то, как она владела собой в любой ситуации, меня не могло не настораживать. Этот неестественный самоконтроль не был присущ необученному человеку, и потому вызывал во мне массу вопросов. И чем сильнее я углублялся в анализ, тем меньше мне нравились напрашивающиеся выводы.

Мой Rav подпрыгнул, на что-то наехав. Сумерки сгущались, и я ни черта уже толком не видел. С пассажирского сидения послышался хриплый стон. Я перевел взгляд на Марту. В неярком свете приборной доски ее прекрасное лицо

выглядело застывшей маской. Над пухлой губой собрались капельки пота. Я только сейчас обратил внимание, как плотно сжат ее рот. Словно она изо всех сил удерживает в себе крик.

– Что-то случилось? – уточнил я, невольно нахмурившись.

– Мне нужно где-нибудь остановиться. Похоже, я скоро рожу.

Глава 2

«Похоже, я скоро рожу». Она действительно именно так и сказала. Наверное, я слишком долго переваривал полученную информацию, потому что Марта была вынуждена повторить эту сногсшибательную во всех смыслах новость еще раз. Будто она и без этого не звенела в моих ушах.

– Родишь? – переспросил я спокойным, собранным голосом. Голосом, который никоим образом не отражал моего внутреннего состояния.

– Да, я думаю, мне лучше прилечь. Где-нибудь… – добавила Марта, оглядываясь. Как если бы она, и правда, надеялась обнаружить кровать посреди этого гребаного Армагеддона.

– Послушай, мы сейчас вернемся назад, в ста километрах город… Там наверняка есть роддом, на худой конец – амбулатория!

Я знал, что за Мартой идет охота, и мое предложение было далеко не самым лучшим в сложившейся ситуации, но… Что еще я мог предложить? Прямо сейчас? Посреди урагана?

– Исключено. У меня нет столько времени.

– То есть как это?

– Схватки каждые пять минут. Я думала, мы успеем, но…

Такие короткие промежутки между схватками, должно быть, свидетельствовали о скором приближении родов, не то, чтобы я знал это наверняка. Меня интересовал лишь один вопрос:

– Почему же ты сразу ничего не сказала?

– Потому что это не твои проблемы, – так же спокойно, как я задал вопрос, ответила моя спутница.

Наверное, наша сдержанность совсем не вязалась с той ситуацией, в которой мы оказались. Но, тем не менее, меня не могло не радовать, что Марте удалось сохранить над собой контроль. Если так пойдет и дальше – это здорово нам поможет в родах. Не отрывая взгляда от зеркала, я гнал машину назад. Где-то метров через пятьсот дорога чуть расширялась, и мне, наконец, удалось развернуться. Теперь можно будет ускориться. Одного беглого взгляда на Марту было достаточно, чтобы понять – боль становится невыносимой. Она больше не могла оставаться в спокойном положении и то и дело ворочалась, соскользнув вниз по кожаному сидению.

– Я испачкала салон, – пробормотала Марта, очевидно, когда боль её отпустила. Я покосился на нее, прикидывая в уме, какую нормальную женщину в такой ситуации могли волновать пятна в машине? И не находил ответа. Поведение Марты полностью выбивалось из моих представлений о женщинах.

Подумать только! Она действительно рожает… Это было дважды хреново. Во-первых, потому, что никому и в голову не пришло, что жена генерала Вуича в положении. Данные его последнего медицинского обследования наглядно свидетельствовали о том, что как мужчина он – полный ноль. А во-вторых, потому что я не был чертовым доктором, и, несмотря на всю свою подготовку, не смог бы ей помочь, если бы в родах что-то пошло не так. Дерьмо!

Я плавно притормозил.

– Ты куда?

– Впереди какой-то обвал. Мне нужно разведать дорогу, – объяснил я, выбираясь прочь из машины. Ветер дул с такой силой, что меня прижимало к земле. Склонив голову, я сделал несколько шагов по скользкой глинистой почве. Дождь

хлестал, и потоки воды ручьями стекали по моей голове и куртке. В свете фар плясали чудовищные тени, казалось, что это вовсе не ураган, а сам оживший кошмар беснуется в ночи.

– Дело – дрянь. Она, правда, беременна и рожает прямо сейчас. Вряд ли она могла забеременеть от другого, находясь под тотальным контролем Вуича, но было бы неплохо убедиться, что это его ребенок, – бросил я на ходу. Моя блютуз-гарнитура была рассчитана на несколько часов непрерывной работы, но я не видел необходимости тратить заряд, поэтому включал ее по мере необходимости. Запись нашего разговора с Мартой велась специальной системой, вмонтированной в салоне тачки. Так, что все равно мы бы ничего не упустили.

На том конце провода повисла короткая пауза:

– Мы проработаем этот вопрос. А пока действуй по ситуации.

– Какие у меня варианты?

– Судя по маячку, до твоего дома в горах несколько километров. Там вас никто не найдет.

– Но если ей понадобится помощь врачей…

– Мы проработаем этот вопрос, – механически повторил тихий голос, – оставайся на связи.

Все лучше и лучше. В машину я вернулся промокший до трусов.

– Ну, как? – прохрипела Марта.

Я тронул внедорожник с места, прежде чем ей ответить:

– Проедем. В город, по всему, мы действительно не успеем, но в нескольких километрах отсюда находится мой дом. Ты как сама?

– Неплохо.

Неплохо… Я скосил на Марту взгляд. Она врала. Ей было очень больно. Она полулежала на сиденье, прикусив губы, и только крылья тонкого носа подрагивали, выдавая то, как ей на самом деле хреново. Но, несмотря на это, она сидела тихонько, как мышка, а не орала во все горло, как это сделала бы любая другая. Хотя… может быть, все еще впереди? Странная… странная Марта.

Вернувшись впервые за много лет в дом, в котором прошло мое детство, я абсолютно ничего не почувствовал. Я даже не оглядывался по сторонам. Было как-то не до того. Вместо этого я взвалил на себя скрючившуюся от боли женщину и на разъезжающихся на скользкой земле ногах потащил ее в дом. Дождь хлестал, не переставая. Пока я открывал замок, Марта медленно сползла по стенке. Я снова подхватил ее на руки. Включил свет, мысленно поблагодарив ребят за то, что они позаботились о генераторе. Провода наверняка оборвало, и нам бы туго пришлось в темноте.

– Приляг пока, я сейчас…

Марта кивнула головой, я осторожно прижал ее к себе и сдернул с широкой кровати покрывало.

– Я запачкаю…

– Ничего!

Сгрузив женщину на разобранную постель, я вышел в коридор. Вскипятил воды в кухне, пошарил на полках. Зачем я все это делал? Бог его знает. Но я где-то читал, что кипяченая вода точно понадобится. Блютуз-гарнитура ожила.

– На связи врач-гинеколог. Она поможет тебе.

Она бы могла мне, если бы телепортировалась прямо сюда. А так… Ну, что же мне так не везет? Будь оно все проклято!

– Да… – бросил в трубку, вытаскивая из шкафа стопку сложенных простыней.

– Каковы промежутки между схватками роженицы? – первым делом негромко спросил приятный и на удивление спокойный женский голос.

Я ответил, что полчаса назад промежутки между ними составляли пять минут, а сейчас и того меньше. Тихий голос осчастливил меня тем, что роды, по всей видимости, приближаются, и предложил убедиться, что ребенок идет головкой вниз. Выполняя инструкции гинеколога, я несколько раз вымыл с мылом руки, плеснул на них водкой, которая нашлась в буфете, и вернулся к Марте.

– Мне нужно посмотреть кхм… как там… кхм…

Да я просто бог красноречия! Но, на удивление, Марта послушно раздвинула ноги. Возможно, происходящее повлияло на нее сильнее, чем я представлял. Иначе я просто не мог объяснить то доверие, которое она мне оказала. Не сводя взгляда с панически расширенных льдистых глаз Марты, я стащил с нее простые белые трусы. Сделал глубокий вдох и медленно опустил взгляд. Господи Боже. Головка, и правда, уже виднелась.

По телу женщины прошла судорога. Первый мучительный стон слетел с губ.

– Тужься! – приказал я, используя совершенно новое слово в своем лексиконе.

Она была страшненькая. И ситуация ни капельки не изменилась, даже когда я ее обтер от крови и еще какой-то непонятной белой субстанции. Страшненькая и неестественно мелкая.

– Ребенок доношен? – не мог не поинтересоваться я, опасаясь, что если это действительно так, ситуация может значительно усложниться.

– Да.

Тот же холодный голос, тот же холодный взгляд. Даже когда я приложил девчонку к груди новоявленной матери, ничего в ней не дрогнуло.

– Мне нужно убедиться, что вышел послед и сгустки крови, – отчего-то злясь, проинформировал я. Она лишь чуть приподняла и опустила плечи. Вот и все реакция.

Мне повезло, и послед вышел сам по себе. Напоследок я несколько раз нажал на живот Марты, как мне опять же рекомендовал сделать врач, и, отбросив в сторону грязное белье, вышел из комнаты. Мне нужна была передышка. Немного времени на то, чтобы справиться с адреналиновым откатом. Я был недоволен собой. Более того, я вообще себя сегодня не узнавал. Мои реакции, мои эмоции будто не мне принадлежали. Я не узнавал в них себя. Обычно сдержанного и расчетливого. Мне не хотелось думать, что под конец операции мои нервы просто не выдержали. Потому что такое было недопустимо для специалиста моего уровня подготовки. Я научился справляться с чувствами давным-давно…

Когда я вернулся, малышка уже спала.

– Как она?

– Ничего…

Смерив меня непроницаемым взглядом, Марта попыталась встать.

– Эй, ты куда собралась?

– Мне нужно в ванную. Я могу ею воспользоваться?

– Я не уверен, что тебе можно, – сомневаясь, я покачал головой.

– Можно душ. Главное, чтобы он не был горячим.

Она отложила холодный компресс, который я соорудил для нее из куска замороженной корейки, и все же встала.

– А как же малышка?

– Она спит. С ней ничего не случится.

Наши взгляды встретились. Те, кто говорят, что глаза – зеркало души, наверное, никогда не встречались с людьми, подобными Марте. Её взгляд не выражал ничего. Абсолютно. У меня от него холод шел по спине и волосы приподнимались. В нем было что-то потустороннее, ненормальное. Я не мог

этого объяснить.

– Где я могу взять полотенце?

В ту ночь я не спал. Мысли одолевали. Стрелка часов монотонно щелкала, скрупулёзно отсчитывая уходящее время. Время, над которым мы были не властны. По углам знакомой-незнакомой комнаты шуршали тени, их была не в силах разогнать одинокая тусклая лампочка в коридоре.

В соседнем городе полным ходом шла подготовка к первому визиту Марты к врачу. Ее нельзя было светить и везти в обычную больницу. А значит, нужно было разыграть целый спектакль по заранее не отрепетированному сценарию. Впрочем, я не переживал о том, что мы налажаем. Перестраиваться по ходу событий нам совсем не впервой. Хотя, один черт, неожиданности такого рода здорово путают карты.

В глубине притихшего дома послышался плач. Вот тебе и неожиданность! Я встал с кровати, прошел в кухню и налил себе воды из-под крана. Черт, я и забыл, какая она здесь вкусная. Отставив стакан, осмотрелся. Да, уж. Ребята явно старались. Деревянная добротная мебель в кухне была отчищена и заново покрыта лаком, техника обновлена, а со стола свисала краем льняная расшитая скатерть. Я даже в детстве такого не помню. В действительность меня вернул ползающий по спине взгляд. Я чуть сильнее вдавил пальцы в столешницу и медленно обернулся.

– Что-то случилось?

– Нет, я просто попить… Почему-то очень сохнет в горле.

Открыв на полную мощность кран, и дав воде стечь, я взял чистый стакан и наполнил его до краев.

– Что-то не так с малышкой? Она не замолкает…

Марта жадно напилась и вытерла рот рукой с длинными тонкими пальцами без маникюра.

– Она хочет есть.

– Но ты ведь способна ее накормить?

– Молоко прибывает на третьи сутки. А молозиво она уже высосала все подчистую.

– Что же делать?

– Можно купить специальную смесь в аптеке.

Плач становился все громче. Я распахнул окно в попытке сообразить, что же делать. До города было километров шестьдесят. Если поторопиться, за полтора часа обернусь, главное, что гроза утихла. И это все же быстрее, чем ждать до утра.

– Я тогда попытаюсь проехать в город.

– Но ведь дорогу могло размыть.

В глазах Марты мелькнуло легкое удивление. Или мне показалось?

– Ну, не морить же девочку голодом, – философски заметил я. В том, что мне удастся раздобыть смесь, я даже не сомневался. Пару звонков, и все необходимое доставят в любое место, где я смогу ее перехватить. Но Марте я об этом, конечно же, не сказал, поэтому просто вышел из дома, провожаемый лазером ее голубых глаз.

Захлопнув за собой дверь, я несколько раз глубоко вдохнул. В горах всегда легко дышится, и нелегко… Иногда воспоминания перекрывают кислород. И горько-свежий аромат хвои перебивает металлический запах крови. А звенящую тишину гор – долгий мучительный стон.

Глава 3

Он был странным. Или, напротив, нормальным… А я ни черта не знала о нормальных мужчинах…

Ожидая возвращения Макса, я сидела в темной кухне и, мысленно отстранившись от всего другого, прислушивалась к себе. Все ли со мной в порядке после произошедшего? Не остановит ли меня это все? Сейчас малейшая заминка была смерти подобна. Я не для того готовила свой побег, чтобы он нашел меня и вернул… в ад, в котором я так бесконечно долго жила.

Мышцы живота сокращались довольно болезненно, слизистые пекло, но это было нормально. Я прочитала достаточно специализированной литературы, чтобы судить о том едва ли не с полной уверенностью. Да и температуры не было, а значит, не было и воспаления. Я была в норме. Молодость сделала все за меня.

Поежившись от прохладного ветра, ворвавшегося в приоткрытое окно кухни, я огляделась. Осторожно встала с добротного деревянного стула, пошарила в шкафчиках. Распечатанные крупы, банки с консервами… Посуда. Вроде, не новая. На тяжелой чугунной сковороде обнаружился нагар. В мойке стояла грязная кастрюлька, в которой отмокали присохшие к стенкам остатки каши. Наверное, мне не следовало волноваться и искать подвоха. Но я не могла себе позволить расслабиться. Слабость – худшее, что может быть. На секунду меня охватила паника. Бежать! Прямо сейчас, пока хозяин еще не вернулся… Вот только я не была уверена, что выживу в этих горах. Рисковать жизнью – последнее дело.

Плач ребенка не утихал. Он звенел у меня в ушах, завивал нервы в стальные пружины… Убегая от этих звуков, я выскочила в небольшой коридор. Схватила висящую на вешалке куртку и с облегчением вышла из дома на примыкающую к нему веранду. Преодолев ее и три высоких ступеньки, спустилась на выложенную камнем дорожку. Блин луны тусклым невзрачным пятном все еще проглядывал сквозь облака, но восходящее солнце уже занималось на горизонте. Я сделала глубокий вдох. Пахло озоном и влажной землей. Пахло свободой… к которой я шла долгих четыре года. Мой самый сложный путь. Горький, тернистый, сдобренный слезами и разочарованиями. Приправленный острой болью. Отравленный чувством бессилия и соблазном сдаться…

Лучи фар вспороли черное покрывало ночи. Мне хотелось бежать, как зайцу… Но я приказала себе оставаться на месте.

– Ты чего здесь стоишь босая?! Холод какой!

И правда… Я забыла обуться. Пошевелила пальцами – трава была влажной от росы, а земля – действительно студеной. Меня сковал ужас от того, что я чем-то не угодила, сделала что-то не так. Не послушалась, нарушила правила. И хотя я понимала, что этот мужчина не имеет надо мной абсолютно никакой власти, его недовольство все равно заставило подниматься тоненькие волоски на моем теле. Инстинктивно я опустила взгляд. Но мою покорность тут же смыло волной отчаяния и злого, идущего из самого сердца протеста.

– Мне нужно было остыть, – вскинув голову, парировала я.

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Я не знала, к чему мне готовиться. Но, развеивая все мои страхи и опасения, Макс лишь флегматично пожал плечами:

– Ты можешь заболеть. И тогда кто будет с ребенком?

Выдохнув, я нервным жестом пригладила волосы и пошла вслед за ним к дому.

– Ребенок кричит, – оглянулся мужчина уже у самого порога.

– Ничего страшного. Она просто проголодалась.

Взгляд Макса на секунду замер на мне. После он развернулся и с силой толкнул входную дверь. Я понимала, что у него сложилось не самое лучше мнение обо мне, и не винила его за это.

– Вот. Здесь ты найдешь все, что нужно на первое время. Все остальное купим потом, если… ты надумаешь задержаться.

Не комментируя его слов, и не задумываясь о том, что они могли означать, я перевела взгляд на пакет. Тот был битком набит всякой всячиной. Я достала самую верхнюю коробку.

– Это смесь. Разводить нужно по инструкции. Поторопись. Здесь бутылочка, соска… Стерилизатора не было, но мне объяснили, что их можно просто

прокипятить.

Я опять же кивнула и снова нырнула в пакет. Там были памперсы, одноразовые пеленки и даже специальное средство для купания младенцев, но больше всего меня поразило наличие прокладок. Огромных-преогромных прокладок с максимальным количеством капелек на упаковке. Он все учел.

– Сколько я тебе должна?

– Об этом не волнуйся. И приготовь смесь, она уже охрипла от крика!

Макс отлично собой владел, учитывая то, в какой ситуации оказался, но все равно его глаза искрили. И эти искры опаляли меня, заставляли нервничать от того, что под этим его пылающим взглядом мне все еще хотелось улечься на пол и скулить в поисках одобрения. Я была подобна собаке Павлова. Ненавижу это все, как же я ненавижу! Будь ты проклят, Иван… Гореть тебе в аду!

Чтобы отвлечься и успокоиться, я сосредоточилась на инструкции по приготовлению. Хозяин дома тем временем набрал в небольшую кастрюлю воду и поставил ее на огонь. Я не знала, как бы справлялась без его помощи. Все, что он для меня делал, было очень необычно и странно. Особенно потому, что я давно уже не верила в бескорыстность.

Плач стих, и теперь тишину нарушали лишь слабое икание ребенка да звон ложки о края пиалы, в которой я размешивала еду для обессилевшей от крика девочки. Смешав в нужной пропорции смесь, я поставила ее на окно, чтобы дать той остынуть.

– Мне нужно в ванную… – сказала я Максу. Взяла со стола упаковку прокладок и молча вышла за дверь. Избавившись от пропитанных кровью тряпок, с облегчением выдохнула. Не понимаю, как женщины обходились раньше без привычных любому современному человеку средств гигиены. Наверное, они ненавидели эти дни, а я вот их очень любила. Потому что только на этот период меня оставляли в покое. В больном мозгу моего мужа укоренилась мысль, что месячные делают женщину грязной.

Покончив с туалетом, я застыла у зеркала. В детстве меня учили, что красивым человека делает внутренний мир. Но со временем я поняла, что это были всего

лишь сказки. Своего рода утешение для тех, кому не так повезло. В реальной жизни все обстояло куда прозаичнее. Ты либо красив, либо нет. И кого тогда волнует твой внутренний мир? Кого заботит, что там, под кожей, спрятано?

Мой взгляд переместился вниз. Прошло всего несколько часов после родов, а моя фигура уже возвращала себе прежнюю форму. Иногда мне казалось, что эту красоту вообще вряд ли что могло бы испортить. Даже избавившись от волос – моей главной, по мнению мужа, ценности, я не стала уродливее. Необычнее? Да. Но уродливее? Не думаю. Господи… Как я ненавидела эти волосы! Его руки в них… Воспоминания вырвались из-под контроля, обрушившись на меня всей своей мощью. Я прикрыла ладонью рот и сделала несколько судорожных вдохов.

Иван был старше меня на двадцать пять лет. Сводный брат моего отца, я знала его с детства, но, как оказалось, не знала вовсе. Мне было пятнадцать, когда погибли родители, и он взял меня под опеку. В то страшное время я не могла на него нарадоваться. Он поддерживал меня, пытался отвлечь. Он стал моей единственной опорой и поддержкой в бушующем океане боли. Несмотря на занимаемую ответственную должность, на меня у него всегда находилось время. Поговорить, сводить в кино или какое-нибудь кафе.

Я не могу точно вспомнить момент, когда поняла, что Ивана стало слишком много в моей жизни. Что, кроме него, в ней вообще ничего не осталось. К тому времени прошло уже несколько лет… Был сентябрь, мой первый учебный день в университете, а я вдруг осознала, что все лето не видела школьных друзей. Хотя мы списывались и перезванивались, но до встречи дело почему-то не доходило, а после… Меня просто перестали звать погулять. Тогда меня это шокировало. Я не подписывалась на добровольную изоляцию, и в тот же день я поставила Ивана перед фактом, что иду с одногруппниками на дискотеку.

Тогда он ничего не сказал. Лишь огромные кулаки сжал, да нерв на его щеке чуть дернулся. А я вдруг обнаружила, что в моем гардеробе абсолютно не осталось подходящих под запланированное мероприятие одежды. Я вообще как будто впервые увидела эти вещи. Их покупала я?

– Ира! Ира! Ты там не утонула? Ребенок кричит, неплохо бы тебе к ней подойти.

Я вынырнула из кошмара. Ребенок…

– Я иду, – ответила чужим голосом. Плеснула холодной водой в лицо, напоследок поймав свой взгляд. Прозрачные капли воды стекали с лица в ложбинку между полных налитых грудей. Красивых даже сейчас. Я ненавидела свою красоту. И если бы могла ее кому-то отдать, не раздумывала бы ни секунды. Именно благодаря своей внешности я стала пленницей. Настоящей пленницей чертового психа.

Когда я, наконец, вышла из ванной, крик в доме стих. Я остановилась в дверях отведенной мне спальни и замерла. Опираясь на предплечье одной руки, другой Макс кормил ребенка из бутылочки. Она скакала в его руках, ходила ходуном – младенец сосал очень жадно. Макс тихо рассмеялся и осторожно коснулся красной от приложенных усилий щечки. Мое сердце мучительно сжалось. Он вскинул голову, отвел взгляд от ребенка и уставился на меня, не мигая:

– Утром я отвезу тебя в больницу.

– Спасибо, но я сама разберусь с этим вопросом.

– Каким образом?

– Что?

– Каким образом ты разберешься? – терпеливо переспросил меня Макс.

– Поеду в больницу.

– Отсюда не ходит транспорт, так что нечего и обсуждать.

Наевшись, малышка уснула. Максим встал с постели и потянулся до легкого хруста в костях. У него хорошая фигура. Наверное, потому что работа кузнеца не из легких. Подумать только… Кузнец.

– Тебе лучше отдохнуть перед дорогой.

– Разве я давала согласие на то, что поеду с тобой в больницу? Нет, я очень тебе признательна, правда, но не хочу злоупотреблять. Ты не мог бы просто меня подкинуть до города?

– Исключено. Я поеду вместе с тобой. Куда тебе торопиться? Побудь здесь, я ведь не гоню. Приди в себя, и продолжишь свой путь…

Макс говорил разумные вещи, которые могли бы здорово облегчить мою жизнь. Я бы многое отдала, чтобы пересидеть здесь, пока за мной идут по следу. Здесь бы меня не нашли. Но я не могла поддаться этому искушению, потому что тогда бы мне пришлось объяснять, почему я не могу выйти в город или поехать в ту же больницу.

– И все же я… не могу принять твое приглашение.

– Почему?

Я посмотрела в его теплые медовые глаза и медленно покачала головой. Когда-то давно я поняла, что правду говорить безопаснее. Потому что все равно тебя рано или поздно поймают на лжи.

– Меня ищет муж. Я не могу светиться в городе или где-то еще.

– Ищет муж? – Макс удивленно вскинул брови.

– Да. Он… страшный человек и может пойти на все, чтобы меня вернуть.

– Ты его боишься?

Боялась ли я Ивана? На этот вопрос не было однозначного ответа. И да, и нет. Скорее, я боялась вернуться в ту жизнь, на которую он меня обрек. Я боялась сломаться.

– Иначе, почему бы я от него сбежала, куда глаза глядят?

– Ты обращалась в полицию?

– Несколько раз. Но те покрывают коллегу, – я говорила полуправду в надежде на то, что Макс поверит. Я не могла ему рассказать свою историю, я вообще стараюсь не думать об этом.

– Твой муж полицейский?

– Да.

– А ребенок? Твой муж знает, что у него должен родиться ребенок? Он его?

На секунду я замерла, а потом медленно обернулась:

– Безусловно, его. Но мой бывший муж, – слово «бывший» я выделила интонационно, – о нем никогда не узнает. Он – деспот и тиран, я не обреку ребенка на такую жизнь.

На этом я посчитала наш разговор оконченным. Демонстративно улеглась в кровать возле девочки и с головой укрылась одеялом. Меня немного потряхивало. Я не была до конца уверена, что правильно поступила, сославшись на очень близкую к правде легенду. На тот момент я не могла придумать что-то получше. Мне нужно было как-то объяснить свой отказ поехать с Максом в больницу, или исчезнуть прямо сейчас. А значит, выбор был небогат. Что же касалось самой истории, которую я озвучила… так разве в нашем обществе таким удивишь? По-моему, вышло очень правдоподобно.

Я перевернулась на бок и нечаянно коснулась теплого тела ребенка. Резко отдернула руку. Она спала, умилительно поджав губки, а я дрожала от чувств, которые закипали внутри. Это был сложный коктейль, в котором столько всего смешалось. Там не было лишь любви… Моя душа была холодной выжженной пустыней.

Глава 4

Марта не соглашалась ехать в больницу до последнего. Но ведь она утверждала, что муж не мог знать о ее положении, поэтому я не понимал, почему она так боялась, что он ее обнаружит именно там. И хоть сам я наверняка знал о том, что ищейки Вуича, сбившись с ног, двинулись совсем в другом направлении, я не мог ее этим утешить.

– Ира, мы должны удостовериться, что ты в порядке. И, в конце концов, получить хоть какие-то документы на ребенка! Как ты планируешь дальше жить, если сам факт его рождения не зафиксирован?

Она отвела взгляд и как-то неуверенно растерла плечи руками.

– Послушай, – убеждал я ее, – я договорюсь со своей одноклассницей, она заведующая в местной амбулатории, там уже, конечно, никто не рожает, только в крайних случаях… Но справки дают. И там есть гинеколог. Хорошая тетка, не болтливая. Им же если сказать, что ты от мужа-козла бежишь, так они помочь только рады будут! Здесь все проще, чем в большом городе. Или, если хочешь, я скажу им, что ты моя девушка…

– Твоя девушка?

Марта резко вскинула взгляд, который до этого отводила, и, не мигая, на меня уставилась. Нереально красивая в розовом утреннем свете. Абсолютное совершенство. На свете существует не так много вещей, способных ненадолго отвлечь меня от работы. Она могла… Не то, чтобы меня радовал данный факт.

– Почему бы и нет? – чуть нахмурившись, переспросил я. Марта же колебалась.

– Что ж… пожалуй, это действительно неплохой выход. Только так я смогу обезопасить себя и ребенка.

– Ребенка? Ты до сих пор ее так называешь? Разве не пора уже придумать ей имя? – задал я мучащий меня еще с ночи вопрос.

– Имя? – Марта недоуменно нахмурилась, будто я сказал что-то, из ряда вон выходящее. Будто необходимость как-то назвать малышку и вовсе не приходила ей в голову. Да что же она за мать?! Мне хотелось ее встряхнуть, чтобы, наконец, пробудить ото сна ее порядком разоспавшиеся материнские инстинкты, но, конечно же, я сдержался.

– Да. Ты думала, как ее назовешь? – вместо этого поинтересовался я.

Взгляд Марты перескочил на спящую дочь. Она медленно покачала головой и как-то так на меня уставилась… что всю мою злость осадила. Мне стало жаль её. Невыносимо жаль. Я знал, как смотрят люди, познавшие ад. Этот взгляд был родом оттуда.

– Но тебе ведь нравится какое-то имя? – смягчился я, заинтересованный ее странной реакцией. Психология была частью моей работы. Я был приучен мгновенно анализировать каждый получаемый мозгом сигнал. Просчитывать наперед тысячи вариантов развития тех или иных событий. Я умел проникать в головы даже самых отъявленных отморозков. И, возможно, это умение делало меня лучшим в своем деле. Но… даже мне было тяжело просчитать эту женщину. Во многом она оставалась для меня загадкой. Которую я хотел разгадать.

– Я не знаю, – покачала головой Марта.

– Подумай. У тебя еще есть время до начала оформления документов.

– Каких документов? – насторожилась она.

– Свидетельства о рождении ребенка. Тебе следует его получить. С этим, кстати, я тоже могу помочь.

– Еще одна одноклассница? – Марта едва заметно повела бровью. Ее мимика была скупой, но очень говорящей.

– Нет. Подруга матери.

Я врал и не краснел. У моей матери не было подруг. Потому что мой чертов отец считал, что в её жизни для них нет места. В ней должен был быть только он! Усилием воли я запретил себе думать о прошлом. Этих демонов не победить, но я нашел способ, как держать их под контролем.

– А твоих знакомых не удивит, что у тебя вдруг появилась девушка?

– Не удивит. Я долгое время жил в городе. Вернулся совсем недавно.

В этом моменте врать не пришлось. Так действительно было. И я озвучил эту правду Марте, в первую очередь, чтобы обезопасить себя. Мало ли с кем ей придется встретиться в городе? Не хотелось бы, чтобы моя легенда накрылась.

– А что же ты им скажешь, когда я исчезну из твоей жизни?

– Что-нибудь придумаю. Об этом можешь не переживать. Здесь не принято совать нос, куда не следует.

Малышка проснулась и оповестила о том всех нас громким, пронзительным криком.

– Покорми девочку. И будем выдвигаться в путь.

Оставив Марту наедине с ребенком, я вышел из дома. В стороне, грязный и потрепанный, стоял мой Rav. Этот парень хорошо поработал сегодня ночью, может быть даже спас нам жизнь. Я нашел в багажнике тряпку, набрал в висевшее на заборе ведро воды и принялся протирать ручки и окна. Будто притягиваемый магнитом, мой взгляд скользнул чуть левее. Туда, где за бревенчатым домом стояла кузница отца.

Отец… Господи… Как я любил его. И как ненавидел! Отчаянно, остро, до боли. Я мог часами сидеть в его кузнице и завороженно наблюдать, как его огромные руки, укрощая металл и пламя, создают очередной гениальный шедевр. Его широкое скуластое лицо и сейчас стояло перед моими глазами. Я помнил все так отчетливо! Его покрытые каплями пота виски, густые волосы, которые отец безбожно коротко стриг, и впечатляющую бороду. Я помнил, как он пах: острый запах хвойного мыла с ярко выраженной металлической ноткой. Как он сутулился, ударяя молотом по наковальне. Я даже помнил звуки, сопровождающие этот процесс. Они, как тогда, звучали у меня в ушах… А ведь прошло уже двенадцать лет!

Пнул ногой колесо – грязь сама отвалилась. Я еще не утратил надежды, что когда-нибудь мое прошлое меня отпустит. Я взял под контроль всех демонов, доставшихся мне в наследство, и не давал им шансов… Господи, как же я ненавидел то, что был так на него похож. Как же я ненавидел…

Отбросив тряпку в ведро, я обтер руки и побрел к кузнице. Иногда я позволял своей памяти возвращаться туда… На годы назад. Чтобы не забыть, почему я категорически отрицаю свою темную сторону. Почему не могу принять ее, хотя в современном обществе и не к такому привыкли. И тогда я вспоминаю… Кажется, я всегда знал о том, что в нашем доме происходит что-то необъяснимое, ненормальное. Еще ребенком я часто слышал странные звуки, доносящиеся из родительской спальни, но когда я о чем-то спрашивал мать, она отводила взгляд и говорила, что это лес за окном и звери. Но я был сообразительным мальчиком. Я не верил ее объяснениям. Мне было жутко. Я был уверен, что по ночам в комнату родителей пробирается какое-то чудовище. Я и подумать не мог, что этим чудовищем был мой отец. Помню, как эти звуки пугали сестренку. И чтобы заглушить их, я рассказывал ей всякие сказки, или просто без остановки болтал. Я был старше Алисы на восемь лет и уже тогда чувствовал свою за неё ответственность. Она засыпала под мою болтовню, страшные звуки стихали, и я возвращался в свою кровать.

О том, что происходит в действительности, я узнал совершенно случайно. Был Ивана Купала, и мы договорились с друзьями о ночной вылазке в лес. Витька Лисовский, чья бабка жила на хуторе неподалеку, рассказывал, что в эту ночь совершаются настоящие чудеса. Расцветает цветок папоротника, который, если найти, будь уверен, исполнит все желания. Не то, чтобы я в это верил, но и не пойти не мог! Засмеяли бы. Дождавшись, когда сестра уснет, я тенью скользнул в приоткрытое окно. Парни поджидали меня за кузницей. Чтобы пробраться к ним, я, крадучись, обогнул дом. Не знаю, что привлекло мое внимание в тот момент, возможно, странный рассеянный свет, льющийся из окна родительской спальни. Я стал на цыпочки и… То, что я там увидел, навсегда врезалось в мою память. Горели свечи. Моя мать была… прикована за руки к цепи, другой конец которой тянулся куда-то вверх, аж под самый потолок. Ее тело сотрясалось, как будто в припадке, голова была запрокинута. Меня испугало ее искаженное (я тогда еще не понимал, отчего) лицо – мучительно приоткрытый рот и струящиеся из глаз слезы. Но больше всего меня, пожалуй, шокировало происходящее позади нее. Я был сельским ребенком. Таких сценой спаривания было не удивить, ведь живности в каждом дворе хватало. В общем, я сразу понял, что родители занимаются тем самым загадочным сексом. Но перевернуло мой мир другое… Сделав очередной толчок, отец выходил из матери и хлестал ее тонкой лозиной.

– Мы готовы, – раздался тихий голос за спиной. Я медленно оглянулся, все еще захваченный болью воспоминаний. Моргнул. Черте что. Пора брать себя в руки. Я даже не услышал, как Марта подошла, и это могло стать проблемой.

– Сейчас, только вымою руки.

Возился я недолго. Плеснув воды в лицо, уставился на себя в допотопное зеркало над рукомойником. В армии мужчины часто носят бороды, я же брился до синевы, избегая быть похожим на отца. Но теперь упрямая щетина все сильней отрастала. В конторе считали, что так я больше похожу на сельского парня. Гардеробчик из этой же серии. Джинсы да клетчатые рубахи.

– Готовность номер один. Мы выезжаем.

Осмотр Марты прошел успешно. И она, и малышка, которой она так и не придумала имени, чувствовали себя хорошо. Из-за плеча специально вызванного педиатра я пристально наблюдал за девочкой. Возможно, потому что я принимал непосредственное участие в родах, эта крошка будила во мне целую гамму чувств. От умиления до желания ее защитить от урода-отца, во что бы то ни стало. Надеюсь, в этот раз у меня получится. И тогда, возможно, я смогу простить себя за то, что не уберег мать и сестру.

– Они точно в порядке? – спросил я главного, пока Марта была занята заполнением каких-то бумаг.

– И мать, и ребенок чувствуют себя прекрасно. Там что-то с грудью не то и кормлением… Но врач сказал: не критично, и уже объяснил ей, что делать, – Сергей Иванович пнул покрышку, коими был огражден небольшой палисадник перед амбулаторией.

– Каков наш дальнейший план?

– План все тот же, Макс. Ничего не изменилось.

– Я не смогу ее вечно удерживать в той хибаре!

– Значит, сделай так, чтобы ей не захотелось уходить.

Я промолчал. Наши глаза встретились. Мне не требовалось дополнительных разъяснений. Каждый из нас понимал, что имелось в виду. Работа под прикрытием тем и дерьмова, что методы здесь никто не выбирает. А это грязь,

как ни крути.

– Не думаю, что мне удастся вот так запросто запудрить Марте мозги. Уж больно непростая девочка.

– Непростая. Но я в тебя верю.

– Мы же ни черта не знаем, что у них там, в семье, происходило. Может, ей сейчас на мужика даже смотреть тошно. Она ведь не от хорошей жизни бежала!

– Окей, и что ты предлагаешь? Предложить ей сделку?

– Почему бы и нет?

– Потому, что мы понятия не имеем о том, что ей известно. А если всплывут другие подробности?

Речь шла о самого высокого уровня договорённостях на поставку списанного с баланса вооружения, которое экспортировалось в некоторые страны Африки с негласного разрешения правительства. Смешно, однако опальный Вуич по большому счету делал то же самое. Его беда была в том, что он снабжал оружием военные конфликты, происходящие на территории старушки-Европы. И это в корне меняло все.

Наш разговор прервало сообщение о том, что Марта идет сюда.

– Когда будут готовы документы на ребенка? – напоследок поинтересовался я.

– Тебе дадут знать. Нам еще нужно выяснить, откуда у нее взялись документы на новое имя.

Кивнув, я двинулся к входу в амбулаторию. Марта прятала глаза за огромными стеклами солнцезащитных очков. Я смерил взглядом ее тонкую фигуру от пальцев на ногах до кончиков кое-как подстриженных волос. Мне больше нравилось, когда они были длинными. Было бы так удобно, намотав их на кулак… Выругавшись под нос, я заставил фантазию отступить.

– Все в порядке? – как всегда равнодушно, спросила Марта.

– Да. Ты как?

– Врачи сказали, что все в полном порядке. Спасибо тебе. Ты мне очень помог.

– Это было не трудно.

– Что ж… Спасибо еще раз. Будем прощаться?

– Зачем? Тебя кто-то ждет? Или тебе есть, куда идти?

Марта поймала мой взгляд и долго его не отпускала. Пока в ее руках не заплакал ребенок. Она отвлеклась на него, а я, будто не слыша последних слов женщины, подхватил с земли её сумку и неспешно побрел к машине. Чуть помедлив, Марта пошла за мной.

Глава 5

Я не был здесь ровно двенадцать лет, но за это время абсолютно ничего не поменялось. Я прошел мимо горна к пустой, но чистой, вкопанной в землю бочке. Зачем-то ударил по ней носком ботинка и нехотя двинулся дальше. Для Марты я – кузнец. И было бы неплохо себя заставить играть отведенную роль, но… я не мог. Это оказалось намного сложнее, чем я предполагал, разрабатывая операцию. Мне хотелось бежать со всех ног, но вместо этого я подошел к наковальне. Провел рукой по ее поверхности. Сердце сжалось, запрыгало в грудной клетке. Пальцы очертили знакомую еще с детства щербину, снимая блоки и замки с тайников памяти. Сколько я себя помнил маленьким – я всегда мечтал стать кузнецом. Пойти по стопам отца, чтобы стоять с ним бок и бок в кузнице и творить. Считалось, что мне передался его талант. И хотя сам отец никогда этого не комментировал, но, сколько я себя помню – меня учил. Усиленными темпами учил секретам кузнечного дела, передающимся в нашей семье из поколения в поколение. Я был его подмастерьем.

Муть, осевшая на дне души, всколыхнулась. Запах гари и металла ворвался в легкие, заменяя мой кислород. Господи, как я любил эти ароматы… На подставке с кузнечными инструментами был разложен все тот же набор. В груди жгло, но я упрямо двинулся дальше, к столу со слесарными тисками. Взгляд споткнулся о закрепленное на стеллаже точило, переместился левее – на шкаф для инструментов. Задыхаясь от боли, я подошел к небольшому окну. Дернул на себя деревянную створку. Опершись двумя ладонями о подоконник, я низко опустил голову и сделал несколько жадных вдохов. Ничего не поменялось, ни-че-го. Только отца рядом не было. Гори в аду это все.

Чуть оклемавшись, вышел на улицу. Схватил стоящее возле колонки ведро и открыл кран. Такими темпами бочка в кузне нескоро наполнится, а без воды под рукой ни один кузнец работать не станет. Бочка – это святое. Ее используют не только для охлаждения металла, но и в случае пожарной опасности. Здесь бы не помешал шланг. У отца был. Черный, с толстыми стенками. Однажды я нашел его короткий кусок в спальне родителей. А в ночь перед этим мать особенно громко стонала… Я выругался под нос и, подхватив два полных ведра, двинулся к кузнице.

Физический труд – благородное дело. Он очень хорошо помогает бороться с ненужными мыслями. Чтобы наполнить бочку, у меня ушло два часа. Я уже заканчивал, когда из дома выглянула Марта.

– Максим…

Меня тысячу лет так никто не называл. Только мама и малышка-сестренка.

– Да? – я оглянулся, обтирая влажные руки о кусок найденной ветоши.

– Я приготовила нам поесть. Ты не против? Уж очень хотелось.

Прикрыв глаза, я медленно покачал головой из стороны в сторону. Я забывал обо всем, потерявшись в собственных мыслях. И хоть мы позавтракали в городе, обед никто не отменял. Я облажался по полной.

– Извини, что сам не предложил. Заработался.

– Ничего.

Марта вернулась в дом, и я двинулся за ней следом. Быстро обмывшись в единственной ванной в доме, я вернулся на кухню. Марта разлила по тарелкам суп, но не ела, дожидаясь меня. На тарелочке между нами были нарезаны мясистые розовые помидоры, в плетеной корзинке – хлеб.

– Это куриная лапша. Я нашла половину курицы в морозилке.

– Очень вкусно, – честно признался я, активно работая ложкой. Марта ела без аппетита, и порция ее была значительно меньше моей.

– Спасибо, – кивнула она, не отрывая взгляда от тарелки. Некоторое время мы ели в молчании.

– Удивительно, что малышка практически все время спит. Я как-то думал, что от младенцев гораздо больше хлопот.

– Она накормлена, и на ней чистый памперс. К тому же ей сутки от роду. Думаю, что это нормально.

– Ты все же решила, как ее назовешь?

Марта вскинула взгляд и снова опустила к тарелке:

– Нет. Ничего не могу придумать. Может быть, ты подскажешь?

– Я? – мои брови взмыли к кромке волос.

– Почему бы и нет? Ты помог ей родиться на свет. Почему бы тебе не придумать ей имя?

Я хмыкнул. Растер затылок. Посыпая розовый бок помидора крупной морской солью, я размышлял о том, что никогда не задумывался над такими вопросами. Какое имя мне нравится? Понятия не имею. О таком, наверно, пекутся только парни, бредящие семьей. Мне же это все не грозило.

– Никогда об этом думал, – убежденно ответил я, а потом вдруг замер с занесенной ко рту ложкой.

– Что? – заметила мою заминку Марта.

– Алиса. Как тебе имя Алиса?

– Да вроде бы ничего. Видишь, как все просто оказалось. Это какое-то особенное имя?

Я отложил ложку и промокнул губы бумажной салфеткой. Встал, подхватив грязную тарелку со стола, поставил ее в мойку.

– Можно и так сказать, – пробормотал я, открывая кран, – так звали мою сестру. Она погибла, когда ей было двенадцать.

Несколько долгих секунд в комнате был слышен лишь шум воды, а потом мягкая ладошка легла мне куда-то чуть пониже правой лопатки, и тихий голос Марты сказал:

– Мне очень жаль.

Медленно обернувшись, я поймал ее взгляд. В нем больше не было льда. Льды растаяли. Марта моргнула, плавно отступила на шаг назад, а когда она вновь подняла опахала ресниц, ее привычная отстраненность вернулась.

– Я буду в кузне, – бросил я, вновь втискивая ноги в свои довольно потрепанные ботинки. – Спасибо за обед. На ужин я что-нибудь сам придумаю.

Марта пожала плечами, а я вышел за дверь. Я кузнец, мать его… Я кузнец! Соберись, Макс, ты делал это тысячу раз! С силой вытолкнув воздух из легких, я пошел за углем. Для начала мне нужно было разжечь кузнечный горн. Ребенком меня завораживал этот процесс. В нем было что-то таинственное, колдовское. Я насыпал на колосники горнила тонкий слой угля, сверху добавил стружки и мелкой щепки, смоченной керосином, да сухие дрова. Чиркнув спичкой, замешкался на мгновение, глядя на танцующий огонек, а после бросил ту в самую середину. Пламя вспыхнуло. Я подождал, пока дрова разгорятся, добавил

второй слой угля и включил дутье. В ожидании, пока огонь разгорится, я все сильнее погружался в прошлое. И понимал, как жутко мне не хватало этого места.

Уголь раскалился докрасна, теперь горн можно было использовать для нагрева стальных заготовок. Я сбрызнул уголь водой, она зашипела в предсмертной агонии и белым облаком устремилась вверх. Хорошо. Теперь образуется нужная корочка, и температура внутри угольной массы будет удерживаться на достаточном уровне. С удивлением я понял, что абсолютно ничего не забыл. Видимо, знания, впитанные с кровью, остаются с тобой навсегда.

Работа захватила и увлекла. Я просто выпал из окружающей действительности. Жара стояла невыносимая. Едкий пот капал со лба и шипел на раскаленной докрасна заготовке. Волосы взмокли и повисли сосульками, рубаха пропиталась гарью. Когда я закончил со своей заготовкой, на горы опустился вечер. В доме было тихо, я прокрался на цыпочках в ванную и простоял под душем добрые полчаса. Вместе с чувством реальности ко мне вернулся и голод. Кое-что вспомнив, я отбросил прочь полотенце и натянул чистые шорты.

Кухня меня встречала стерильной чистотой и таким же стерильным запахом. Я сказал, что сам приготовлю ужин, и, видно, Марта решила предоставить мне такую возможность. Выругавшись себе под нос, я вымыл несколько картофелин, сделал на них надрезы и сунул в микроволновку. Пять минут, и печеная картошка готова.

– Ира… Ира… – я тихонько позвал свою гостью, но она не отвечала. Тогда я заглянул в спальню. – Ира! – повторил еще раз. И снова мои слова остались без ответа. Я подошел вплотную к кровати и тронул ее за плечо. – Твою мать, ты же вся горишь! Ира! Ну-ка, просыпайся, немедленно!

– Что? Что случилось? – она открыла больные глаза, тем самым вернув мне хоть крупицу спокойствия.

– Ты горишь! Черт… Я сейчас поищу градусник!

Выскочив в кухню, я стал шарить на полках, поочередно открывая и закрывая шкафчики. Наконец, в одном из них обнаружил аптечку. Надорванную упаковку обезболивающего и парацетамол! Самый обычный, в таблетках. Выдавив две

штуки на ладонь, я вернулся в спальню и заставил Марту их выпить. Она находилась в полубессознательном состоянии и вряд ли отдавала отчет действительности. Я же соображал за двоих. Как и любой другой тренированный воин, я был приучен мгновенно включаться в боевой режим. Отключать эмоции, чувства и действовать сугубо на профессионально-инстинктивном уровне. Впрочем, в сложившейся ситуации и дураку было понятно, что температуру нужно было как-то сбивать. Неизвестно, когда подействуют таблетки, а ситуация критическая, как ни крути. Я полез в бельевой шкаф и достал тяжелую махровую простынь. Толстый ворс неохотно впитывал в себя воду, а я, наконец, получил возможность связаться с главным. В двух словах обрисовав ему ситуацию, я торопливо вернулся, раздел Марту до трусов и накинул на нее мокрую простынь, невзирая на ее слабые протесты.

– На проводе док.

– Добрый вечер. Что у вас случилось?

– Температура. Очень высокая, думаю, дело стремится к сорока.

– Другие симптомы? Кашель, насморк?

– Ничего похожего на простуду.

– Значит, мамочке все же не удалось справиться с лактостазом, о котором мы говорили.

– С чем справиться? – насторожился я.

– Лактостазом. Проще говоря, застоем молока. Иногда в груди новоявленной мамочки образуется как бы молочная пробка, которая перекрывает выход новообразовавшемуся молоку. Из-за этого возникает отек ткани молочной железы, далее следует уплотнение, болезненность, покраснение и подъем температуры.

Я перевел взгляд на грудь Марты. Идеально-округлая, сочная, с ярко-розовыми торчащими сосками.

– Что же мне делать?

– Для начала убедиться, что всему виной действительно лактостаз.

– Каким образом, если она в отключке?

– В груди будут прощупываться уплотнения.

Это было самое странное, что я делал в своей жизни. Это было самое интимное… Разминать грудь женщине, чтобы избавить ее от боли. Марта тихо плакала, а я осторожно мял ее, завороженно наблюдая, как крупные молочные капли скатываются на специально подложенное полотенце. Ей было очень больно. Это читалось в глазах, сейчас удивительно светлых и прозрачных.

– Еще немного. Потерпи. Будет лучше… – нескладно утешал я, и снова, как прикованный, возвращался взглядом к ее идеальным формам. На все про все ушло почти два часа. Я убрал грязное белье и пошел вымыть руки, которые сладко пахли ею… и молоком. Голова шла кругом. Я был, наверное, даже большим извращенцем, чем думал, потому как этот аромат ударил мне в голову почище всякого афродизиака. Перед глазами так и стояла картинка – мои большие загорелые руки на ее розовой от растирания коже. Она была совершенством. Сегодня я в этом убедился. И это могло стать большой проблемой для меня…

Я вернулся в комнату. Марта уснула, чуть склонив русую голову набок. Мой взгляд скользнул дальше и уткнулся в широко распахнутые глазенки малышки.

– Эй, это кто тут не спит? – спросил я тихонько, обходя кровать.

– Иии…

– Ну-ну, тихо-тихо, пусть мама отдыхает.

– Ме…

Девочка недовольно закряхтела, взмахнула нелепо ручкой, нечаянно ударив себя по крохотному покрасневшему от натуги личику. Маленькая губка

задрожала от обиды. Мои же губы растянулись в улыбке. Кроха открыла рот и заплакала во все горло.

– Тш! Не хулигань!

Мне было страшно брать ее на руки, но в противном случае малышка разбудила бы Марту. А та и без того намучилась. Я, кстати, тоже порядком устал. Отвыкшие от работы в кузнице руки гудели. Спину ломило. К тому же я остался без ужина. Но, не раздумывая ни секунды больше, я подхватил маленькую Алису под головку и осторожно прижал к груди. После всего, что мне пришлось уже сделать, необходимость сменить ей памперс меня уже не слишком пугала. Да и приготовить смесь мне не составит труда.

Закрутив на бутылке крышку: я сунул соску в жадно открытый рот, и, наконец, сам взялся за ложку. Впервые за долгое время я ужинал в женской компании. Ну, и что, что эта женщина была в памперсе? Зато она была красоткой. Правда-правда. Это я ее с перепуга не разглядел. А так, в общем-то, ничего.

– Да, красотка?

Глава 6

Не знаю, отчего я проснулась. Словно из бездны вынырнула. Мягкий лунный свет струился в окно, по углам комнаты прятались тени, а я сидела на кровати, жадно глотая воздух. Неужели опять кошмар? Стряхнув с лица остатки сна, я выбралась из постели и только тогда поняла – девочки нет. Сердце подпрыгнуло, сделало кульбит и со всего маху ухнуло вниз. Живот свело от дикого, неконтролируемого страха. Шаг, другой… Я выскочила из комнаты, заглянула в просторную кухню и гостиную – ничего. Коридор поворачивал и упирался в еще одну дверь. Я дернула ручку, подтолкнула плечом – безрезультатно. В отчаянии прислонилась лбом к прохладной лутке, а потом вдруг вспомнила! Макс спал в мансарде, куда вела красивая кованая лестница.

Задыхаясь, я взбежала по ней и с силой толкнула дверь. В комнате горел ночник. Хозяин дома спал на животе, обняв рукою подушку. Рядом сопела

малышка. Я сделала шаг назад и в облегчении скатилась на пол по обшитой деревянными панелями стене. Уперлась лбом в согнутые колени и сделала несколько глубоких вдохов. Все хорошо. Макс все предусмотрел. Даже подложил несколько вытянутых подушек, чтобы малышка не скатилась с кровати. Сама я как-то не додумалась до этого, хотя меньше всего хотела причинить ей вред. Из меня бы вышла дерьмовая мать. Хорошо, что я не планировала ей становиться.

Ссутулив плечи, я медленно побрела вниз по ступеням. С тех самых пор, как стало прибывать молоко, мне все время хотелось пить. И как бы я себя ни ограничивала, молоко никуда не девалось. А ведь я думала, что если не стану кормить малышку, то этот процесс не запустится вовсе. Практика же показала, что было достаточно тех самых первых минут после родов, когда Макс, воспользовавшись моей слабостью, приложил девочку к груди.

Напившись студеной воды из-под крана, я вымыла стоящую в раковине грязную бутылочку и вышла из дома. Мне нужно было все хорошенько обдумать. С того дня, как я попала в эту чертову бурю, весь мой план пошел псу под хвост, и было бы неплохо придумать новый. Я не могла здесь оставаться вечно. Хотя, признаться, такая возможность была довольно заманчивой. Здесь было так тихо. Так спокойно… И почему-то эту магическую тишину не нарушал даже лязг металла, доносящийся весь день из кузницы. Напротив, он словно ее подчеркивал.

Я уселась на добротные ступени, ведущие на веранду, и обреченно запрокинула голову. Идеальную картину фиолетового неба чуть смазывали обрывки серых, распятых шпилями елей облаков. Лунный свет опоясывал серебром бриллиантовую россыпь звезд. И мне казалось, что это какой-то богач сбросил невозможной красоты ожерелье прямо на темное покрывало ночи. Ухали птицы. Совы или сычи… Это были звуки свободы.

Интересно, как долго я смогу здесь оставаться? И что мне делать потом? Изначально мой план был прост – дождаться родов, оставить ребенка, а дальше – через границу, до которой отсюда рукой подать. Но Иван меня каким-то образом вычислил. И теперь все, что я могла – это снова прятаться. Прятаться и выжидать, пока он не уберется из этих краев. В этом плане – дом Макса был идеальным вариантом. Но в нем мы были заперты вместе с ребенком, а я… Не могла… физически не могла находиться с ним рядом. Это было неправильно, господи боже, и понимая это, я, тем не менее, не могла себя перебороть. Я видела в этом ребенке лишь продолжение человека, которого ненавидела всей

душой. Которого я каждой клеточкой ненавидела…

На той злосчастной дискотеке, на которую мы все же пошли с подружками, ко мне пристал один обдолбаный придурок. Он успел здорово меня напугать, до того как был отброшен в сторону разъяренным Иваном. Как он его бил! Не знаю, мне кажется, он бы и убил того парня, если бы его вовремя не оттащили. Домой мы возвращались в полнейшей тишине. Я была шокирована происходящим.

– Ты этого хотела? Чтобы вот так? – притормозив у дома, спросил Иван.

– Нет! – воскликнула я, уставившись на дядьку широко распахнутыми глазами.

– Тогда зачем тебе это все? Чего тебе не хватает, Марта? Ты ведь ни в чем не знаешь отказа!

– Я не знаю, – на тот момент я действительно не могла облачить в слова то, что чувствовала. Мне хотелось жить, как все нормальные девушки моего возраста. Мне хотелось общения, новых знакомств… Мне хотелось начать встречаться с каким-нибудь парнем и, наконец, избавиться от гордого звания последней девственницы нашего класса. Мне хотелось быть, как все! Вместо этого я была заперта в нашем доме, и весь мой мир вращался вокруг одного конкретного человека. Не думаю, что это было правильно для восемнадцатилетней девушки.

– А ты подумай, маленькая. Я дам тебе все… Все, что захочешь…

– Не дашь! Это просто невозможно!

– Почему? – он держал меня за руку и сверлил своими темными цыганскими глазами. Казалось, что Иван действительно не мог этого понять.

– Ты не можешь заменить мне друзей! В конце концов, ты не можешь стать моим парнем, и…

– Почему не могу? – Иван перебил меня, вновь повторив свой странный вопрос.

– Господи, о чем мы говорим? – растерялась я, – ты мой дядя и…

– Сводный. Мы не родня по крови.

– Я знаю! Но разве это что-то меняет?!

– Все. Абсолютно. Я могу стать твоим мужчиной, Марта. Я могу им стать.

Его слова прошлись по мне, словно катком. Я потрясенно открыла рот, и тут же мои губы накрыл его твердый рот. Горячий язык скользнул внутрь. Невозможно описать словами, что я испытывала в тот момент, но эти чувства рвали меня на части. Сбивали с толку. Иван был единственным близким мне человеком, я любила его, я восхищалась им. Но никогда до этого я не примеряла его к себе, как мужчину.

А между тем, его жадные губы продолжали свое исследование. Они спустились на шею, скользнули по груди, чуть прикусили вершинки:

– Марта, девочка моя… Сладкая, сладкая девочка. Как долго я этого ждал. Как долго!

– Погоди, Иван! Стоп…

Я дрожала. Непонятно, от чего, то ли от ласки, которой жаждало мое юное тело, то ли от ужаса происходящего. Мой мир встал с ног на голову и покатился куда-то, подпрыгивая на ухабах. Тогда я не знала, что тот путь лежал прямехонько в ад.

– Эй, ты чего не спишь?

Я обернулась, глядя на выглянувшего из-за двери Максима.

– Не спится что-то.

– Тебе не хуже? Может быть, что-то болит?

– Нет, все в порядке.

Встав со ступенек, я медленно отряхнула руки и вошла в дом. Для разговоров не было настроения, но Макс как будто этого не замечал.

– Я звонил знакомому гинекологу, ну… тому, к которому ты ездила на прием. Так вот он сказал, что тебе нужно почаще прикладывать малышку к груди.

– Нет. Это не выход.

Шаги мужчины за спиной стихли. Я прошла в кухню и снова открыла кран. Во рту опять пересохло.

– Так сказал врач. Согласись, что в этих вопросах он понимает гораздо больше тебя. Если оттока молока не будет, то снова случится застой, и тогда мне опять придется тебя разминать и сцеживать.

Я резко обернулась. Черные точки перед глазами взмыли вверх, как снег в новогоднем сувенире, если его потрясти. Только сейчас в памяти воссоздались события вчерашнего вечера. Мои щеки опалило огнем. Откашлявшись, я спросила:

– Это врач подсказал тебе, что нужно делать? Разминать и… – не договорила, не смогла… Макс стал первым мужчиной, который касался меня вот так… первый, после Ивана.

– Вообще-то она сказала, что будет проще молоко отсосать. Но я не был уверен, что тебе придется по душе такая идея.

Я горела огнем, и все же… И все же не могла отвести взгляд от его спокойных изучающих меня глаз. Признаться, иногда, чтобы не сойти с ума, я гадала, что буду чувствовать в объятьях другого мужчины. Мужчины, для которого мое тело не будет божеством какой-то извращенной религии. Мужчины, который сможет найти ему применение и в полной мере его удовлетворить. Но я и в страшном сне не могла представить, что эти руки мне помогут сцедиться. С ума сойти. Умереть бы со смеху… Да только ни черта не смешно.

– Тогда, думаю, мне следует просто купить таблетки, останавливающие лактацию.

– Зачем? – спокойно уточнил Макс.

– Чтобы лактация остановилась, зачем же еще?

– Молоко матери – лучшая пища для ребенка.

Я не знала, как объяснить Максиму свой отказ от грудного вскармливания. Я вообще старалась об этом не думать. Обнеся сердце забором с колючей проволокой, я убеждала себя, что поступаю правильно.

– Сейчас выпускают отличные адаптированные смеси. А кормление грудью – каменный век. Я не буду этого делать.

Пусть! Пусть он думает, что я стерва. Так даже лучше. Главное, чтобы не догадался об остальном. Я дала себе пару дней на передышку, а после… снова в бега. В глубине дома заплакал ребенок, избавляя меня от необходимости мириться с осуждающим взглядом приютившего нас мужчины. Мужчины, который вполне бы мог мне понравиться, сложись моя жизнь иначе.

Когда я вернулась в комнату, малышка уже не на шутку разошлась. Меня убивала необходимость о ней заботиться. Словно кожу по живому сдирала. Вот и сейчас, я только подошла к девочке, а на висках уже выступил пот, и началась тахикардия. Снимая комбинезончик, я старалась не смотреть на ребенка, но получалось слабо. Мои руки были словно деревянные, они совершенно меня не слушались. Даже самая простая процедура превращалась в настоящий квест, что уж говорить о купании, которое я запланировала на сегодня? Под громкий, разрывающий сердце ор я быстро обмыла малышку, обтерла найденным в комоде полотенцем и поменяла ей памперс.

– Возьми, я приготовил смесь.

Я оглянулась. Макс протягивал мне маленькую бутылочку. Наверное, она должна была смотреться довольно нелепо в его огромных руках, но такого и близко не было.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Ты точно решила насчет таблеток?

Кивнув, я отвела взгляд. Макс сделал паузу, но, все же воздержавшись от дальнейших споров или рекомендаций, сказал:

– Напиши мне название препарата. Утром я смотаюсь в город. Заодно заберу документы Алисы.

– Спасибо, – едва слышно поблагодарив мужчину, я вернулась в постель. Легла на бок, обхватила руками колени. Происходящее отнимало слишком много душевных сил. И я понимала, что ошибалась, когда думала, что после всего того дерьма, что уже случилось в моей жизни, и с этим я тоже как-нибудь справлюсь. Мне действительно казалось, что больше боли в моем сердце просто неоткуда будет взяться, но… я ошибалась. Ком подпер горло. Я уткнулась носом в подушку, чтобы не разрыдаться, а подушка пахла малышкой… Я обхватила голову, чтобы вернуть себе тишину, но все равно слышала, как жадно она пьет из бутылочки. Везде и повсюду была она. Маленькая девочка с моими глазами.

Мне хотелось кричать от боли. Выть от бессилия…

Когда я проснулась утром, Макс уже съездил в город. Он привез мне таблетки, которые я тут же выпила, и пополнил запасы еды. Глядя, как его татуированные руки в легком танце порхают, готовя наш завтрак, я не смогла удержаться от любопытства:

– Ты всегда жил здесь один?

Максим покачал головой:

– Нет. Это родительский дом. Я здесь не был с момента их гибели и… до недавнего времени.

– Как это – ни разу не был?

– Мне казалось, что я ненавижу это место, но…

– Оказалось, что это не так?

– Я не знаю, – Макс обернулся, мазнул по мне взглядом и, в несколько шагов преодолев кухню, открыл стоящий напротив стены холодильник. – Все не так просто, Ира.

– Ты был здесь несчастлив? Тебя обижали ребенком? – допытывалась я, не совсем понимая, зачем. Возможно, потому, что знала не понаслышке, как тяжело справляться с болью в одиночку. А может, просто чувствовала себя обязанной этому мужчине. И мне хотелось во что бы то ни стало вернуть долги, до того как я вновь исчезну.

– У моих родителей были несколько нестандартные отношения. Думаю, я ненавидел именно это.

– Нестандартные? Это какие?

– Извини, мне не хотелось бы обсуждать эту тему, – Макс последний раз перемешал яичную смесь и резким движением вылил ее на раскаленную сковороду.

– То есть как это? Тебе никто не говорил, что так нельзя поступать?

– Как – так?

– Начинать говорить о чем-то, а потом резко сливаться? Это запрещено.

– Чем же?

– Правилами ведения откровенных разговоров!

Он покосился на меня и хмыкнул:

– Ты тоже со мной не слишком-то откровенничаешь.

– Ага… Я поняла. Значит, секрет за секрет? – вздернув бровь, я уставилась на своего спасителя, прикидывая в уме, стоит ли мне идти на сделку. В конце концов, всегда можно было солгать. Или отделаться полуправдой.

– Ну, это было бы честно.

– Хорошо, – согласилась я с условиями Макса, – тогда ты первый. Так что за нестандартные отношения, которые ты так ненавидел?

Макс оглянулся на меня и, пристально глядя в глаза, спросил:

– Домашняя дисциплина. Слышала о таком?

Глава 7

В то время, конечно, никто и слыхать не слыхивал о том, что это за зверь такой «домашняя дисциплина». А сейчас, вот, понабрались, как собаки блох. И ничем их уже не удивить… БДСМ, «нижний», «дом» – стали словами, которыми свободно оперировали даже те, кто к теме имел весьма посредственное отношение. Тогда же… родители и сами вряд ли понимали, какого черта между ними происходит. Что уж говорить о нас с сестрой?

Я смотрел в потрясенные глаза Марты и довольно отстраненно размышлял о том, даст ли моя откровенность хоть какой-то обратный эффект. Не получится ли, что я напрасно тряс перед ней исподним, надеясь своим признанием вытащить из неё хоть что-то. Любую информацию, способную упечь Вуича за решетку. Время шло, мне нужно было торопиться, и, прикинув в уме «за» и «против», я все же рискнул. Барышни любят слезливые истории, моя ставка была на это.

– Это что-то из культуры БДСМ? – отводя глаза, поинтересовалась моя собеседница.

Я отрицательно качнул головой и, звеня посудой, принялся расставлять тарелки по местам.

– Не думаю, что происходящее можно было отнести хоть к какой-то культуре. Он просто трахал мать и порол, порол и трахал. За малейшую провинность.

Наши взгляды встретились.

– А не могло быть так, что ей это нравилось?

Я медленно сглотнул. Мое сердце подпрыгнуло и больно ударило о ребра, голос осип:

– Ты можешь представить женщину, которой бы это нравилось? Быть подвешенной, связанной и выпоротой? С кляпом во рту? С зажимами на сосках и клиторе? Металлическим ошейником на шее? – перечислял я, а голос становился все тише.

– Почему-то ведь люди на это идут, – неловко вытирая руки об себя, пробормотала Марта. А после встала со своего места и принялась поправлять складки на тюле. – К тому же, насколько мне известно, отношения в стиле БДСМ строятся на взаимном согласии партнеров…

– Да. Не поспоришь. Но домашняя дисциплина – это несколько другое. Не думаю, что моя мать давала согласие…

– А если вдруг? – Марта снова обернулась, мой взгляд скользнул по ее совершенному лицу, вниз по шее, к налившимся сферам груди, чуть натягивающей свободный трикотаж футболки, которую я ей одолжил.

Не буду скрывать. Такая мысль и мне неоднократно приходила в голову. Тем более, от меня не укрылся тот факт, что мать все же получала извращенное удовольствие от происходящего. Иногда ее взгляд стекленел, становился задумчивым и мягким. И тогда она совершенно по-особенному улыбалась. Но чаще… Чаще я слышал, как они ругались с отцом. Как она пыталась его убедить, что это грязно и противоестественно, что она не хочет, не может так дальше, но… Дело заканчивалось в спальне, где отец в очередной раз ломал хребет ее воле. И очевидно поэтому однажды моя мать решила бежать…

– Исключено, – отрезал я. – Так что? Выходит, теперь твоя очередь быть откровенной?

– Ну, раз я обещала… Так, что конкретно тебя интересует?

– От чего ты бежишь?

Марта старательно отводила взгляд, пряча все, что внутри таилось, но меня было не обмануть. Я бы вычислил ее ложь в два счета. Несмотря на то, что я порядком раскис в этом месте, прежде всего я оставался профессионалом.

– Я ведь говорила, что убегаю от мужа.

– Он тебя обижал?

– Физически? Ты ведь это имеешь в виду?

– И это тоже, – не стал я спорить.

– Нет. Он просто лишил меня воли. Лишил права выбора. Лишил нормальной жизни, подчинив мою жизнь себе. Я стала марионеткой в руках психически больного человека. Я стала его фетишем. Даже не знаю, как это объяснить…

– А ты попробуй.

Марта взяла паузу, словно собираясь с мыслями. И я ее не торопил. Мне было жутко интересно, что же она расскажет. Если, конечно, в очередной раз не соврет.

– Мой муж – жестокий тиран. Его стремление к власти надо мной и тотальному контролю было намного хуже, чем любое даже самое изощренное проявление физического насилия. Иван ломал мою психику. Вот, что на самом деле страшно… Оглянуться и осознать, что ты вдруг оказался в полнейшей изоляции. Ни близких, ни родных, ни друзей. Только он и ты… в полнейшей от него зависимости. Психологической, материальной, эмоциональной… Он так искусно сплел свою паутину, что в какой-то момент от моей личности совсем ничего не осталось. Я чувствовала себя ущербной, неуклюжей, виноватой… Иван унижал меня, изводил слежкой и звонками… Своими подозрениями в измене и прочим… Я была виновата всегда и во всем. Он срывался на меня и оскорблял, но даже в этом винил меня. Он ломал мою сексуальность. Ставил в упрек потребности тела… которые не мог удовлетворить. – Марта вскинула голову, обжигая льдом своего холодного взгляда. – Ну, как, достаточно подробностей? – добавила

резко, кривя губы в невеселой усмешке.

– Извини, я не хотел причинить тебе боль.

– Ты и не причинил, – в каком-то обреченном жесте Марта провела ладонью по волосам, – просто… я никому этого не рассказывала. Иван мог часами меня унижать, доводя до нервного срыва, а потом плакать вместе со мной и просить прощения… Он… явно, болен. Но это не та болезнь, в которой я обещала с ним быть, когда мы обменивались клятвами верности. С меня достаточно…

Марта развернулась на сто восемьдесят градусов и, стремительно преодолев кухню, вышла из комнаты. Моя блютуз-гарнитура ожила:

– Ты веришь ее словам? – послышался тихий голос.

– Ни секунды не сомневаюсь.

– Значит, он еще больший мудак, чем мы думали.

– Выходит, что так.

– Дави на нее, выуживай подробности… Нам нужно понимать, что ей известно о делах Вуича.

– Вас понял. Отбой.

«Дави на нее… Выуживай…» – звучало в моей голове, когда я разжигал горн. А ведь мне больше всего хотелось поставить ее на колени и… отыметь. Это желание во мне возникло задолго до нашей встречи в горах. И, как оказалось, лишь крепло во мне все это время. Она зацепила меня на каком-то глубинном, животном уровне. Пониманием того, что именно она меня примет любого. Не объяснить словами… Не передать. Некая странная, абсолютно ни на чем не основанная уверенность, что она смогла бы не только укротить всех моих демонов, но и впустить их в себя.

Боже… О чем я думаю?

Выругавшись, я поправил изнывающий член в штанах и сосредоточился на заготовке. Вспоминая навыки, полученные от отца, я думал о том, что неплохо было бы установить здесь вагонетку на рельсах. Не очень-то было удобно подвозить металл на старой отцовской тележке. Да и вообще, нынче появилась куча нового оборудования… Неплохо бы что-то купить.

Сознательно я не брался за сложные виды работ. Чтобы освежить память, следовало начинать с малого. Я решил изготовить небольшой кованый столик, а поэтому целый день гнул профиль – под ножки и окантовку. Не отошедшие после вчерашних нагрузок плечи гудели, хотя это была не самая сложная работа. Лист бумаги, на котором я набросал чертеж, уже пожелтел и измялся.

В шуме кузницы я не сразу заметил появление Марты.

– Ты что-то хотела? – спросил я, отбрасывая кувалду.

– Да нет… Разве что посмотреть. В доме ужасно скучно. И девочке, думаю, будет лучше на воздухе.

– А где она? – удивился я.

– На улице, уснула в переноске. По-моему, у нее начинаются колики, хотя на форуме пишут, что еще рано…

– Тогда с чего ты решила, что это они?

– Она плачет и поджимает ножки… Да ты не отвлекайся, я ведь не за этим пришла. Тем более что девочке гораздо лучше.

Меня настораживало, что Марта до сих пор не называла ребенка по имени. Мне было трудно представить, что это могло бы означать. Впрочем, интуиция подсказывала, что ничего хорошего. А я привык доверять своей интуиции.

– Ира…

– Да?

– Как ты узнала, что твой муж тебя нашел?

Марта резко отвела взгляд, но все же ответила:

– Есть один человек, который держит меня в курсе событий.

– Насколько ты ему доверяешь? Не может так случиться, что он работает на два фронта?

– Я никому не доверяю… – довольно размыто объяснила Марта.

– Он может отследить тебя по IP. Вы же поддерживаете связь по телефону?

– Да, но, предвидя такую возможность, я кое что-то предприняла. В общем… не получится у него отследить. Даже если очень захочется.

Эта информация была уже более интересной. Я кивнул и вернулся к работе. Но было во взгляде Марты что-то такое, что то и дело заставляло меня, отвлекаясь от дела, коситься на нее из-за плеча.

– Что-то не так? – наконец не выдержал я.

– Нет-нет. Просто… на твоем теле столько татуировок!

Одна из причин, по которой я не мог работать под прикрытием. Я был меченым.

– А ты противница нательной живописи?

– Нет. Мне, напротив, очень нравятся твои рисунки. Прослеживается рука мастера. Эти узоры, должно быть, несут некий сакральный смысл?

Есть такое дело. Когда мириться с воздержанием становится невозможно – я иду в знакомый тату-салон. Наколки – летопись моей войны с раздирающими душу демонами.

– В некотором роде.

– Не посоветуешь мастера?

– Зачем?

– Ну… я, может, тоже хочу навести красоту.

– Ты хочешь сделать тату?

– Эээ… нет, нет… На самом деле я хочу кое-что исправить.

– Ошибки молодости?

– Может быть. Так как? Дашь телефончик?

Я зажал профиль клешнями и резко сунул заготовку в бочку. Вода зашипела, взвилась вверх, оседая на моей соленой от пота коже.

– Даже лучше. Я могу и сам тебе подсобить.

– Серьезно?

– В старину татуировки делали кузнецы. Это так… для общего развития.

– Чего не знала – того не знала, – согласилась Марта, – а что еще они делали?

– Да много всякого разного. Долгое время ремесло кузнеца считали волшебством, а самого мастера – колдуном. Ну, кто еще мог из бесформенного куска металла создать вещи невероятной, колдовской красоты?

– И правда…

– Так, что насчет татуировки?

– Я подумаю. Вдруг это безобразие нельзя исправить?

– Исправить можно все.

Марта еще немного посидела в кузнице и пошла в дом. Я провозился добрых три часа, прежде чем вспомнил, что не отдал ей полученное сегодня свидетельство о рождении дочки. Выругался под нос, быстро свернул работу и пошел в дом обмыться. Чистый и благоухающий проклятым сосновым мылом, кроме которого в этих краях невозможно было что-то купить, я извлек из бардачка папку с документами. От нечего делать залез внутрь и… опешил. В графе «отец ребенка» черным по белому было вписано мое имя. Это что еще такое, мать его так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_yuliya/kukushka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить